

— Он правда в порядке?

— Абсолютно в порядке. Тань-гун, к чему такая паника? Пятый принц хоть завтра готов к призыву в армию, здоровье у него бычье.

Местный врач сладко зевнул, окончательно смирившись с судьбой. И почему во время его дежурств вечно заявляется эта парочка?

В прошлый раз Его Высочество ворвался к нему посреди ночи, держа на руках бесчувственного Тань Туна. Теперь же Тань Тун притащил бодрого Се Эня, оборвав врачу всю звёздную связь и заставив в спешке закрывать любимую игру ради экстренного вызова.

Тань Тун кричал в трубку так отчаянно, будто оплакивал покойника: «У него явные признаки отравления! Возможна анемия, обморок, даже анафилактический шок!»

Доктор уже вообразил, что на его плечи возложена миссия государственной важности — спасение члена императорской семьи. Но на деле всё ограничилось банальным осмотром и общим анализом крови. Принц оказался абсолютно здоров.

Вдобавок пришлось наблюдать за тем, как капризный Его Высочество разыгрывает боязнь игл. Парень закатил целую драму, разве что в истерике не бился, выпрашивая у Тань-гуна утешительные объятия.

Тань Тун заплатил за приём всего сто синих монет, а за просмотр подобного представления вообще-то полагалась доплата.

Если память врачу не изменяла, во время прошлого визита Его Высочество никаким страхом перед уколами не страдал. Напротив, когда у Тань Туна искали тонкие вены, принц всячески помогал и проявлял завидное рвение.

Похоже, у этого великовозрастного дурачка из императорской семьи, который будто и начальную школу не окончил, действительно проявились симптомы отравления. Токсины явно ударили по мозгам, раз его поведение так резко изменилось.

— Ну нет, я не хочу больше сдавать анализы. — Се Энь с опаской покосился на доктора, боясь, что тот выпишет новое направление. — Тунтун, пойдём домой. Никаких уколов, мне от одного их вида плохо становится. Я боюсь.

Если застрять тут ещё на один круг обследований, то сегодня никто из них троих домой не попадёт.

Се Энь прекрасно знал возможности своего организма. Он бы не сдох, даже сожри ещё парочку тарелок с ядовитыми грибными отходами.

Под натиском этих капризов Тань Тун быстро сдался. Его пыл угас:

— Ладно, давай послушаем, что скажет врач.

Доктор, которому так изящно перекинули мяч, вздохнул:

— С Его Высочеством действительно всё в порядке. Можете не сдавать дополнительные анализы. Идите домой и просто понаблюдайте за его состоянием.

«Убирайтесь уже, ради всего святого», — мысленно взмолился врач. Ещё немного, и завтра к нему явятся императорские гвардейцы, чтобы перерезать горло по обвинению в шпионаже.

Тань Тун наконец выдохнул. Чувство вины за излишнюю панику заставило его бережно погладить Се Эня по плечу:

— Если почувствуешь хоть малейшую слабость, сразу говори мне.

Спасён.

Се Энь с удовольствием подставил плечо под ласковую ладонь и закивал:

— Угу, обязательно.

Врач со спокойным лицом поправил очки, вежливо выпроводил обеих важных персон, после чего тут же открыл приватный чат, чтобы излить душу коллегам.

[Больница городка Мок 007: Пипец, мужики. Я на ночном дежурстве опять встретил Его Высочество и Тань-гуна. Чуть инфаркт не схватил]

[В этом году поступаю в магистратуру: О-о?! Ну и как там? Есть инсайд?]

[Больница городка Мок 007: Да какой там. Тань-гун притащил Его Высочество, который пышет здоровьем и уложил бы меня одним щелчком, и уверял, что тот отравился. А принц перед ним так и вился, разве что глазки не строил. Отравился он, ага... любовным ядом Тань-гуна!]

[В этом году поступаю в магистратуру: О боже, их уже можно шипперить?! Я ещё в прошлый раз заметил, что между ними искры летают]

[Завтра захвачу должность заведующего: Вот и я о том же! Слушайте, а в тот раз... принц часом не «заездил» Тань Туна до потери сознания? С чего бы ещё кибернетической лобной доле так легко отключиться от обычного недосыпа?]

[Завтра захвачу должность заведующего: @Больница городка Мок 007 Ты же тогда дежурил и осматривал его первый. Заметил что-нибудь?]

[Больница городка Мок 007: Да я взглянуть лишний раз боялся! Принц обычно такой улыбчивый дурачок, но когда я начал расстёгивать на Тань-гуне рубашку для осмотра, Его Высочество так зыркнул — лицо чернее тучи стало... Короче, молчу-молчу, а то ещё забанят. Кто понял, тот понял]

[В этом году поступаю в магистратуру: О-о-о, канон!!! Моё шипперское сердце ликует!]

Троица увлечённо болтала до глубокой ночи, едва не дойдя до споров о том, сколько детишек родится у этой пары.

Тань Тун, разумеется, ни о чём не догадывался. Единственное, что его озадачило, — прощальный взгляд доктора. В нём читались страх, крайнее любопытство и... едва скрываемое возбуждение?

Скучающие сотрудники провинциальной больницы и подумать не могли, что Тань Тун в прошлый раз отключился вовсе не из-за бурной ночи любви.

Он просто систематически не высыпался, работая на износ.

Стоило им вернуться домой, как Се Энь принялся за своё привычное дело — погнал Тань Туна спать.

Сам он, благодаря отменному здоровью, тоже любил засиживаться допоздна, но теперь, чтобы не давать Тань Туну повода для ответных упрёков, приучил себя ложиться ровно в десять вечера.

— Но вдруг тебе ночью станет плохо? — возразил Тань Тун. Прежде он уступал ради съёмок блогов, но сейчас проявил редкое упрямство. — Отходы шаровидных грибов вызывают острое пищевое отравление. В течение пяти часов тебя может тошнить, начнётся обезвоживание. Кто-то обязательно должен быть рядом.

— Вообще-то я в детстве случайно выпил ядохимикаты и выжил, — с горькой усмешкой признался Се Энь. — Так что не переживай. Те пестициды были в десять раз токсичнее ведра испорченных грибов.

Тань Тун замер. Се Энь всегда казался жизнерадостным и беззаботным, но ребёнок не станет пить отраву по собственной воле. За этой историей явно скрывалось мрачное, изломанное детство.

Не желая беречь старые раны, Тань Тун промолчал. Он лишь приподнялся на цыпочки и коснулся лба юноши ладонью, проверяя, нет ли жара.

— Но теперь рядом с тобой я, — Тань Тун мягко улыбнулся. — И я обязан приглядывать за твоей безопасностью. В конце концов, ты платишь мне три тысячи за аренду. Поэтому сегодня я побуду с тобой.

Последовала долгая пауза. Тань Тун уже решил, что парень сдастся и позволит ему посидеть у кровати.

— Вот как? Ну тогда ложись со мной, Тунтун.

— А... Что?!

События приняли совершенно неожиданный оборот. Се Эннь преспокойно устроился на постели и с самым невинным видом похлопал по свободному месту рядом с собой.

— Ляжешь рядом. Если мне станет плохо, ты сразу заметишь. И тебе не придётся бодрствовать всю ночь.

Кровать, на которой спал Се Эннь, изначально принадлежала Тань Туну и была довольно просторной. С появлением жильца хозяин обустроил себе спальное место на полу в другом углу комнаты. И хотя они делили одну спальню, расстояние между ними оставалось приличным.

Но как ни крути, кровать была полуторной. Если лечь вдвоём, им придётся прижаться друг к другу почти вплотную.

Тань Тун мгновенно вспыхнул до корней волос:

— Я... я лучше перенесу свой матрас поближе к кровати.

— Но с пола тебе будет неудобно следить за моим самочувствием, — Се Эннь забавно захолопал ресницами, хотя в глубине его глаз промелькнула лукавая усмешка. — Брат Тунтун, мы ведь оба парни. Что такого, если переспим одну ночь вместе?

«Мы ведь оба парни» — эту фразу сам Тань Тун обронил, когда стелил ему постель в первый день. Но сейчас, в полумраке спальни, эти слова прозвучали так двусмысленно, что у Тань Туна перехватило дыхание, а щеки обожгло стыдливым румянцем.

Понимал ли Се Эннь вообще, какой смысл несёт в себе фраза «переспать ночь»? Как можно так легкомысленно бросаться подобными словами?

И это его «брат»... Когда Тань Тун стримил, подписчики часто обращались к нему так же, но из уст Се Эня это обращение звучало как-то по-особенному мягко, почти интимно.

Что-то в их отношениях неуловимо менялось, выходя за рамки обычного соседства.

«Ага, значит, Тунтуну нравится, когда его называют братом», — мысленно отметил Се Энь.

Заметив смущение хозяина дома, он не подал виду и лишь прикусил губу, продолжая разыгрывать наивность.

— Хорошо. Спим.

Тань Тун, двигаясь негнушимися от волнения конечностями, схватил своё одеяло и, избегая смотреть на Се Эня, с видом обречённого на казнь забрался на кровать.

— Вообще-то под моим одеялом мы могли бы поместиться вдвоё...

— Всё, спать. Уже поздно.

Тань Тун, который обычно засыпал под утро, поспешно укутался в одеяло, превратившись в глухой кокон, и затих, надеясь поскорее провалиться в сон.

— Брат Тунтун...

— Спи!

— Да нет, Тунтун, я просто хотел сказать... — Се Энь едва сдерживал смех, изо всех сил стараясь казаться удивлённым. — Ты ведь ещё не умылся.

Он прекрасно знал, что Тань Тун с его синдромом сверхчистоты может пересилить себя и лечь пораньше, чтобы сбежать от неловкого разговора, но ни за что на свете не уснёт нечищеным.

Тань Тун оцепенел секунды на три, после чего пулей вылетел из-под одеяла. Потеряв тапочки, он босиком, словно спасаясь от пожара, бросился в ванную комнату.

— Цюцю, иди поиграй с Бубо, хорошо? — Се Энь взял горшок с маленьким прыгающим грибом и перенёс его в гостиную.

Тань Тун и без того был на взводе. Если этот глазастый грибочек продолжит на них пялиться, бедный механик точно не сомкнёт глаз.

Цюцю послушно отдал честь и, прихватив планшет, радостно покатился обниматься с Маленькой Редиской.

Бубо лежал пластом в своём горшке, напоминая увядший маринованный корнеплод, и предавался глубокой экзистенциальной тоске, когда на пороге показалась любопытная шляпка Цюцю.

«Как раз вовремя».

Бубо давно наблюдал за этой странной семейкой. Крошечный гриб пользовался безграничной любовью хозяев, и те при нём ничуть не таились. Лучшего источника информации было не найти.

Жаль только, что грибы и корнеплоды говорили на разных языках. Бубо пришлось на ходу подстраиваться под Цюцю, усердно жестикулируя.

«Ты знаешь, кто они друг другу?» — попытался спросить Бубо.

Цюцю озадаченно моргнул своими бусинками-глазками и почесал макушку. Он решил, что Маленькая Редиска спрашивает, ладят ли его старшие братья.

Стоило заговорить об этом, как сон с Цюцю мгновенно слетел. Он довольно сощурил глазки и принялся усердно рисовать на планшете, приводя в пример неопровержимые доказательства: «Братья очень любят друг друга! Сегодня они даже спят на одной кровати!»

Малыш-гриб имел в виду чистую, искреннюю дружбу, но Бубо, которого с малых лет готовили к шпионской деятельности, мыслил куда более приземлёнными категориями.

«Спят в одной постели?!»

Бубо судорожно хватал ртом воздух, едва не лишившись чувств прямо в своём горшке.

Этот коварный механик-искуситель уже уложил Пятого принца в постель?!

Значит, Его Высочество не просто глуп, но ещё и погряз в пороке. Сенсационные, грязные подробности, но для шпионского отчёта — идеальный материал!

Нужно немедленно передать эти сведения наверх!

Когда водные процедуры были окончены, Тань Тун отказался от любых разговоров и поспешно выключил свет. Комната погрузилась в абсолютную темноту.

Цюцю распрощался с Бубо и устроился спать в гостиной. Даже вечно суетившийся грибочек затих.

Обычно Тань Тун любил темноту — она помогала сосредоточиться и быстро заснуть. Но сегодня ночной мрак лишь разжигал в его груди глухую, непреходящую тревогу.

Ровное, размеренное дыхание Се Эня раздавалось у самого уха. Тань Туну достаточно было протянуть руку, чтобы коснуться человека, который по праву рождения принадлежал к высшей имперской знати.

Принц спал на удивление спокойно. Он не сворачивался калачиком, как ребёнок, и не раскидывал руки и ноги, как уставшие работяги. Он лежал ровно на спине, словно вышколенный солдат на посту, что разительно контрастировало с его обычным легкомысленным поведением.

Сон никак не шёл. Тань Тун повернулся и, когда глаза привыкли к темноте, осторожно повернулся на бок, вглядываясь в красивые черты лица спящего юноши.

Пожалуй, он ещё слишком плохо знал этого привлекательного парня. За маской вечной жизнерадостности и открытости скрывалось тяжёлое, возможно, трагическое прошлое. Дети, выросшие в подобных условиях, никогда не бывают до конца искренними.

В комнате было тепло, но Тань Тун, закрыв глаза, неосознанно придвинулся к Се Эню чуть ближе, ловя исходящее от него тепло.

Он не понимал, что с ним происходит, и не знал, к чему приведёт эта слабость, но не мог отказать себе в тихом удовольствии поддаться этому подавляемому влечению.

Се Энь почувствовал движение рядом. Но его отточенные до автоматизма рефлексy не сработали на защиту: он не попытался заламывать чужие руки. Лишь длинные серебристо-серые ресницы едва заметно дрогнули, а уголки губ тронула сонная, довольная улыбка.

Холодная зима — скверное время для долгих раздумий, но идеальное для того, чтобы согреть друг друга.